

11 июля 1972 г.

3

ПОМНИТЕ отрывок из статьи Белинского о театре, который в фильме «Старшая сестра» читает Татьяна Доронина? Помните удивительно радостные, словно раскрытые навстречу какому-то ежеминутно происходящему чуду, глаза актрисы, спрашивающей: «Любите ли вы театр?» Слова о любви к театру, который по-настоящему сможешь понять и оценить тогда только, когда он станет частицей тебя самого. Я часто вспоминаю эти слова, разговаривая не с актерами, нет! — с людьми, отдавшими театру большую часть своей жизни и... неизвестными так называемому «широкому зрителю». Они, эти люди, хранят в душе своей немало добрых, теплых чувств к театру, берегут их «про себя».

Зритель, заполняющий зал театра, видит уже результат огромной работы, не прекращающейся каждый день, каждый час. Результат работы не только режиссера, актеров, художников. Здесь немало профессий, без которых не может быть спектакля: гример, осветитель, бутафор, рабочий сцены — перечень этот можно долго продолжать. Но давайте выберем из него одну профессию. И пройдем по «кладениям» Надежды Федоровны Орловой — заведующей костюмерным цехом театра юного зрителя, театра, через который с 1928 года прошли все поколения зрителей, и поэтому особенно всем знакомого.

В КОСТЮМЕРНОМ цехе — смешение одежд всех времен и народов. Рядом с платьем французской королевы и плащами гвардейцев кардинала — забавные костюмы героев «Золотого ключика», а неподалеку от пышных костюмов придворных мирно расположились курточки Пети и Гаврика из пьесы «Велеет парус одинокий». Все это: картузы и ботфорты, сюртуки и шлямы — «единицы хранения», которые используются, использованы или будут использоваться в спектаклях театра, а значит, вещи, требующие постоянного присмотра, ремонта, рабочих переделок и прочего. И количество их значительной цифрой выражается — шесть тысяч! Богатый гардероб, не правда ли? У него и хозяин должен быть особенный — знающий, внимательный, ласковый. «Ласковый» — это не оговорка. Ведь всем известна истина: в добрых руках любая вещь краше выглядит. Надежда Федоровна — из породы таких людей.

Что знала она о театре в том далеком 1948 году, когда впервые пришла в ТЮЗ? Немного. И не думала, что останется здесь навсегда. Портнихой с 1925 года работала, всю войну на промкомбинате Куйбышевского района, обмундирование шила, заказы для фронта выполняла. Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне» имеет. А тогда, в тяжелые послевоенные годы, это просто была одна из возможностей работать по специальности. О том времени она вспоминает с улыбкой: «При-

Доброе слово о незаметной профессии

КОСТЮМЕРША

шла в театр, когда «Сказку о царе Салтане» к выпуску готовили. Костюмы для спектакля сложные, делали их сами (теперь ведь большинство в театрально-производственном комбинате готовят), а я с театром раньше дела не имела — как в лесу, честно говоря, первое время блуждала».

А потом был второй, третий, четвертый спектакль. Из этих работ первых лет особенно запомнились «Ромео и Джульетта». С огромной отдачей работали актеры, ждала спектакль публика. А задача перед костюмерами была поставлена, на первый взгляд, обычная — подготовить костюмы. Но вот из чего? Театр, тогда очень небогатый, располагал самым что ни на есть «минимумом» средств. «Из такого материала костюм шили, что сейчас и смотреть бы на него не стали. Мудрили, мудрили, но делали», — рассказывает Орлова. Спектакль был выпущен, работа театра отмечена, а для Надежды Федоровны стал он одним из самых дорогих. Может, тут проявилось настоящее отношение к театру — как знать?

Рабочий день костюмеров (кроме Надежды

Федоровны, в цехе три человека) начинается в 10 утра: ремонтируется то, что пришло в негодность, подшиваются костюмы из спектаклей текущего репертуара. Так — каждый день. Но бывают дни особенно сложные — перед генеральными репетициями, премьерами. В эти дни машинки в костюмерной не смолкают до поздней ночи. Для нового спектакля «Капитан Сорви-голова» в кратчайший срок нужно было превратить наши военные формы в английские. Неделью, не считая часов и дней, работали костюмеры, но к генеральной репетиции все было готово. А сколько времени уходит на подгонку готовых костюмов, полученных из ТПК. Ведь актер должен чувствовать себя в костюме, «как дома», а значит, работы у Надежды Федоровны прибавляется. Мне рассказывали, что многие актеры часто просят: «Не отдавайте в ТПК — пусть Надежда Федоровна сделает». И в словах этих не хула комбинату, а доброе отношение к человеку проступает, к человеку, без которого сейчас «старожилам» уже трудно представить театр.

Но вернемся к вопросу о рабочем дне. За два часа до спектакля костюмеры снова в театре. Здесь на костюмы наводится «последний блеск», и они разносятся актерам. За сорок пять минут до начала приходят участники спектакля, и если костюмы сложные, то и дело слышишь: «Надежда Федоровна!.. Ниночка!.. Подойдите, пожалуйста!» Третий звонок — и все на сцене. В том числе и костюмеры. Мы не видим их, но на небольшой площадке происходит смена костюмов, необходимая по ходу спектакля. В своем шути-

ливом путешествии по театру Карел Чапек сказал, что у костюмеров существует свой критерий: «Пустяковая пьеса, ни одного переодевания». А Надежда Федоровна в разговоре совершенно серьезно замечает: В «Трех мушкетерах» мы вдвоем весь спектакль на сцене работали. Одних только плащей, которые мушкетеры и гвардейцы то снимают, то опять надевают, — двадцать девять! И все быстро делать нужно. Так нам уж на ином спектакле скучно становится: что это — один костюм на актере от начала до конца — ритма работы не чувствуешь».

Окончен спектакль, разошлись по домам актеры, но нужно еще убрать все костюмы, развесить их по своим местам — потому уходят костюмеры из театра обычно последними.

Трудно? Да, непросто. Но когда почти четверть века в театре — это не требует дальнейших объяснений. Отсюда и отношение к делам театральным, как к своим собственным.

Н. СКВОРЦОВА,
внештатный корр. «Горьковского рабочего».
Фото М. МАСКИНА.